

ЧЕРНОБЫЛЬ:

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Вспоминая сегодня эту страшную трагедию, мы решили предоставить слово одному из непосредственных участников работ по ликвидации ее последствий. Кандидат химических наук, ныне руководитель аппарата межведомственной комиссии по экологической безопасности Совета безопасности РФ Светлана Кузьминична РЕВИНА рассказывает:

— К тому моменту, когда случилась авария на Чернобыльской АЭС, я работала старшим научным сотрудником в Институте прикладной геофизики, изучала проблемы миграции загрязняющих веществ в окружающей среде. Кроме этого, занималась экспертизой объектов атомной энергетики — воздействием атомных станций, как технических объектов, на окружающую среду. Планировалось, что в июне 1986 года наш отдел отправится в экспедицию на водоем-охладитель Чернобыльской АЭС, чтобы изучать температурный, гидрологический и гидрохимический режимы.

26 апреля 1986 года, когда произошла авария, я была в отпуске. Позволила в Москву, и руководитель моей

С. К. Ревина.
Октябрь
1986 года.

лаборатории сказал, чтобы я немедленно возвращалась: мы будем принимать участие в работах по оценке ситуации. Тогда еще никто не знал, каковы масштабы и последствия аварии.

Уже в мае вместе со специалистами из Обнинского института экспериментальной метеорологии мы вылетели в белорусскую часть чернобыльского следа. Наш штаб был в Мозыре. Мы отбирали пробы почв, определяли уровень загрязнения их радионуклидами. Спецодежды не было. Как была в босоножках, юбке и кофточке с короткими рукавами, так и отправилась туда, где радиационное загрязнение было огромным.

Мы находились в зоне две недели. Потом я работала непосредственно в Чернобыле, где располагался штаб Гидромета. График был вахтовый: 22 дня в зоне, 8 — в Москве, дома. Но, когда были срочные дела, жила в Чернобыле и по два месяца безвыездно. Мы провели важнейшие активные эксперименты по оценке перспектив снабжения населения питьевой водой — искусственное дождева-

ние почв на загрязненных площадках, чтобы выяснить, как смываются радионуклиды с поверхности земли в водоемы. Всех беспокоила тогда ситуация с Днепром. Надо было оценить вероятность его загрязнения. Пока мы не дали своих прогнозов, над зоной постоянно разгоняли облака, чтобы не было дождей. Данные, полученные нами, оказались утешительными: почва забрала радионуклиды, произошло их «схватывание», и сильного смыва, который повлек бы за собой загрязнение Киевского водохранилища и Днепра, не должно быть.

Осенью 1986-го был проведен повторный эксперимент. В нем участвовала большая группа специалистов из Обнинска и из Украинского института гидрометеорологии. Наши первоначальные прогнозы подтвердились...

За эту работу я была награждена орденом «Знак Почета», но вскоре попала в больницу: в почках обнаружались радионуклиды. После полутора месяцев лечения я снова почувствовала себя здоровой, ушла из института, и Чернобыль стал моей основной и единственной работой.

У каждого человека в жизни бывают один-два звездных часа, когда он делает то, что может сделать только он. Тот момент мне казался именно таким. За моими плечами уже была организация не менее 30 экспедиций; я могла не только придумать и организовать эксперимент, но и решить хозяйственные вопросы, необходимые для его проведения. Все это очень пригодилось в Чернобыле. Вспоминаю, как пришла к командующему войсками, маршалу, попросить два взвода солдат: нужно было оккупывать экспериментальные площадки. И мне дали солдат. Потому, во-первых, что пришла женщина, и потому, во-вторых, что убедительно доказала: нужно для дела. В то время среди специалистов в зоне женщин практически не было. Я прекрасно понимала, что имею определенные преимущества перед коллегами-мужчинами, что мне не откажут...

Вспоминаю еще случай. Мы добыли глубокие пробы грунта, чтобы посмотреть, как начали мигрировать радионуклиды в глубь почв. Для этого потребовались длинные трубы. Я не могла их нигде достать. Тогда я сняла водосточные трубы со всего здания правительственной комиссии. Просто пришла и сняла, а мне еще и помогли, потому что это было нужно.

Шло время, и мы все больше ощущали, что ликвидация последствий аварии потребует от всех годы серьезной работы, в том числе и от уче-

ных. Я отчетливо представляла точки приложения своих сил, знаний, опыта. Хотелось закончить серию начатых экспериментов по распространению радионуклидов, исследовать загрязнение снега. В то время я возглавляла лабораторию охраны окружающей среды Чернобыльской зоны, серьезно продумывала всю концепцию восстановительных работ.

Особое беспокойство было — как оборудовать могильники. На месте «рыжего» леса предполагали посадить деревья, стойкие к воздействию радиации. Планировали провести перезахоронение в специально оборудованные бетонные хранилища загрязненных транспортных средств и строительных материалов, в спешке зарытых в песок. Изучая все эти проблемы, мы привлекали ученых из Москвы и других городов.

Но постепенно начали понимать, что денег на эти цели выделяется недостаточно и реально можно сделать лишь очень немного из того, что предполагалось. С распадом Союза стало окончательно ясно, что никакие перезахоронения, расчистки, профилактические мероприятия в зоне проведены не будут.

В 1988 году я еще раз попала в больницу. Врачи сказали, что мне не стоит больше работать в Чернобыле. Я вынуждена была уйти из зоны, перешла на другую работу. Но Чернобыль навсегда остался в моем сердце, как и вопросы, на которые до сих пор не нахожу ответа.

Мы и сейчас знаем о Чернобыле далеко не все, а тогда? Тогда многое сознательно скрывалось, в том числе и от нас. Мы, в свою очередь, давали подписку, что не будем разглашать данные о том, что делали в зоне. У меня была, например, уникальная ботаническая коллекция — изуродованные воздействием радиации растения, которые невозможно узнать. Она совершенно неизвестным образом исчезла. Все материалы мы сдавали под расписку. Часто выполняли «параллельные» работы, не ведая, что делают соседние подразделения. Мы до сих пор не знаем точных размеров аварийного выброса. А как тяжело, с каким трудом и борьбой раскрывались наши карты радиационного загрязнения территорий?

Страшно и вот что. Ведь до Чернобыля подобная авария произошла в Челябинской области. Были в Чернобыле специалисты, которые занимались ею в свое время. Но их опыт, очень полезный, мы никак не могли использовать по тем же соображениям секретности. Эти люди не имели права даже сказать, что работали на той аварии. А ведь они были в состоя-

нии предостеречь нас, помочь с обработкой данных... Узнав об этом позже, я была просто потрясена.

В позапрошлом году я бывала еще раз в Чернобыле, встречалась с главой администрации Чернобыльской зоны, хотела посмотреть, как идут дела: ведь зону я знаю, как свои пять пальцев.

Впечатление грустное. Все осталось так, как было при нас. Из тех планов, которые мы намечали и на которые были потрачены наши силы и энтузиазм, ничто не реализовано.

Зона в ужасном состоянии. Я считаю, что до сих пор она представляет опасность, тем более что с укрытием (саркофагом) многое не решено. Внутри высокие температуры. Саркофаг разрушается и сегодня напоминает деревенский сарай, который латают чем попало: то кусок фанеры прибивают, то клочок жести, то лоскут кровельного железа. Вот такое ужасающее впечатление.

Я думаю, что мировое сообщество должно обратить внимание на то, насколько это реальная угроза и опасность для человечества. Украина не в состоянии решить все проблемы собственными силами, ей надо помогать.

Сегодня есть три государства, непосредственно пострадавшие от Чернобыльской катастрофы: Украина, Белоруссия и Россия. Их граждане приняли на себя и основную тяжесть работ по ликвидации последствий аварии. Об этих людях-ликвидаторах незаслуженно забывают. Десятилетие Чернобыля — хороший повод вспомнить героев тех дней и их заслуги перед Родиной.

ОТ РЕДАКЦИИ: Десять лет отделяют нас от трагической апрельской ночи 1986 года. Меняются оценки и взгляды на то, как и что делалось для ликвидации последствий аварии. Но одно не может подлежать переоценке — подвиг людей, работавших в зоне и названных жестким словом «ликвидаторы».

Они не берегли себя. Без дозиметров, порой без индивидуальных средств защиты шли буквально в пекло, понимая, что это нужно, что они профессионалы и могут многое сделать. Забывали о своем возрасте, болезнях, о том, что дома остались дети.

С каждым годом их становится все меньше: безвременно уходят от нас эти люди. Живые же нуждаются в нашей помощи и поддержке.

Нельзя забывать, что все мы в долгу перед чернобыльцами. И это прямой призыв к тем, в чьих руках власть и возможность о них позаботиться.